

Джучи Михайлович Туган-Барановский

РЕСПУБЛИКАНСКАЯ ОППОЗИЦИЯ НАПОЛЕОНУ I В ГОДЫ КОНСУЛЬСТВА 1801—1804

Французский ежегодник 1978

М.: Наука. 1980. С.143-160

Веб=публикация: **Vive Liberta**, 2013

1801—1804 годы были временем оформления наполеоновского режима. Именно в эти годы был заключен конкордат с папой, объявлена амнистия эмигрантам, учреждено пожизненное консульство и приняты другие акты, подготовившие в 1804 г. провозглашение Франции империей. Эта эволюция — от 18 брюмера 1799 г., когда победоносный генерал стал фактически диктатором Франции, и до 2 декабря 1804 г., когда он торжественно короновал себя в соборе Парижской богородицы, — получила достаточно полное освещение в советской и зарубежной историографии. Но один, и на наш взгляд существенный, аспект обойден вниманием — это вопрос об отношении бывших участников революции к происшедшей реакции.

Вопрос этот касается в то же время и проблем бонапартизма, явления, до сих пор мало изученного. Для многих наполеоновских биографов общим местом было утверждение, что в Наполеоне и его режиме, в тех лозунгах, которые несла его армия в Европе, нашли наиболее полное воплощение идеи революции и республики. Опровергнуть подобный вывод могло бы изучение республиканской оппозиции. Однако немногие существующие работы на эту тему не могут нас удовлетворить либо потому, что в них речь идет только о сугубо отдельных проявлениях этой оппозиции, либо сама оппозиция изображается как явление случайное, вызванное личными моментами (фронта Моро) и совсем нетипичное для Франции тех дней¹. Отметим сразу, что последняя трактовка весьма приближается к точке зрения авторов «наполеоновской легенды», видевших во всяком выступлении против первого консула, а потом императора измену нации или выражение безумия². В нашей статье мы попытаемся, опираясь на различные материалы³, рассмотреть республиканскую оппозицию в 1801—1804 гг., когда определились основные контуры нового режима.

* * *

В самом начале 1801 г. были составлены «проскрипционные списки», по которым 130 известных в прошлом участников революции были сосланы на острова. Этот акт Наполеона, направленный в основном против якобинско-бабувистских элементов, встретил тем не менее весьма неблагоприятный для правительства отзвук в обществе. Свое недовольство «проскрипциями» выразили не только демократические круги (в том числе и «добросовестные бонапартисты» типа М.-А. Жюльена)⁴, но и «идеологи»⁵, и даже члены Государственного совета и Сената⁶. Вероятно, учи-

¹ *Gaubert H.* Conspirateurs au temps de Napoléon I. Paris, 1962.

² *Descotes M.* La légende de Napoléon I et les écrivains français du XIX siècle. Paris, 1967.

³ *Paris sous le Consulat*: Vol. 1—3. Paris, 1903—1906; *La Police secrète du Premier Empire*. Paris, 1908. Vol. 1; *Bonaparte et les Bourbons. Relations secrètes des agents de Louis XVIII à Paris sous le Consulat (1802—1803)*. Paris, 1899.

⁴ *Далин В. М.* Люди и идеи. М., 1970, с. 86—87.

⁵ *Paris sous le Consulat*, vol. 2, p. 129, 155.

⁶ [*Thibaudeau A.-C.*] *Mémoires sur le Consulat. 1799—1804*. Paris, 1827, p. 31—32.

тывая общественное мнение, первый консул не стал настаивать на точном соблюдении указа о «проскрипциях», и около 60 человек из включенных в списки сохранили свободу. Среди них были такие известные деятели якобинско-бабувистского движения, как К. Фике, Фион и Мелесье (участники «заговора равных»), адъютант Бушотта Журдейль. Ж.-Б. Дидье, Маршан, Р. Базен, Эв Демайо и др.⁷

В целом же можно сказать, что Наполеон добился своего: реальная оппозиция, готовившая против него заговоры, изобретавшая «адские машины», распалась или была уничтожена. В начале 1801 г. республиканцы, напуганные возможными репрессиями, бегут из Парижа в департаменты; в самой столице на время затихает всякая фронда. Как видно из многих документов, аналогичным было положение и в других районах Франции, только кое-где ощущалось недовольство. В большинстве же департаментов, говорилось в отчетах советников (специально изучавших этот вопрос), царствует «спокойствие и удовлетворение» произведенным переворотом⁸.

Свою роль в этом, конечно, сыграли репрессии. Но был и еще один фактор — внешний: удачное завершение войны с Австрией и подписание Люневильского мира 9 февраля 1801 г., упрочившего позиции правительства. В этих условиях республиканская группировка, дезорганизованная преследованиями, оказалась как бы в пустоте, без какой-либо серьезной социальной опоры. Но было бы неправильно думать, что республиканский дух выветрился вообще.

Уже с лета 1801 г. наступает новый подъем демократического движения, связанный с принятием Наполеоном целого ряда актов, открыто реакционного толка (конкордат — 16 июля 1801 г., амнистия эмигрантам — 26 апреля 1802 г., учреждение ордена Почетного легиона — 19 мая 1802 г.). Среди этих актов наиболее важным был конкордат, подписанный с папой Пием VII. По его условиям католическая религия признавалась религией «большинства французов», отделение церкви от государства отменялось и государство вновь брало на себя оплату священников. В то же время церковь отказывалась от претензий в отношении распроданных или конфискованных в период революции земель⁹.

В социальной и политической области конкордат явился отступлением от религиозной практики не только революционных лет, но и периода Директории. По существу соглашение с Ватиканом было одним из решающих шагов после принятия конституции VIII года по упрочению авторитарных начал в государстве путем обращения, как выразился К. Маркс, не к рассудку, а предрассудку французского крестьянства¹⁰. Этот курс встретил в обществе оппозицию, которая бросалась в глаза даже посторонним наблюдателям. «Все действия власти,— сообщал в Петербург 30 декабря 1801 г. русский посланник Марков,— только возбуждают недовольство»¹¹.

Особенное противодействие конкордату наблюдалось в армии, где еще оставались живы республиканские настроения¹². «Военные говорят,— сообщалось в обзоре префектуры Парижа от 25 декабря 1801 г.,— что священники были самыми яркими врагами революции, и восстановление католической религии во Франции может рано или поздно привести к гражданской войне... священники будут удовлетворены лишь тогда, когда им удастся реставрировать монархию»¹³. Подобные разговоры полиция фиксировала довольно часто, и, пожалуй, нам даже не особенно важны

⁷ Далин В. М. Указ. соч., с. 96.

⁸ Их отчеты см.: L'Etat de la France au 18 brumaire d'après les rapports des conseillers d'Etat chargés d'une enquête sur la situation de la république... Paris, 1874.

⁹ Манфред А. Э. Наполеон Бонапарт. М., 1971, с. 390—392.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 8, с. 209.

¹¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1801 г., д. 8951, л. 102.

¹² Талейран. Мемуары. М., 1959, с. 164.

¹³ Paris sous le Consulat, vol. 2, p. 673.

фамилии и конкретные лица; речь в данном случае идет не о случайном разговоре, а об устойчивом и совершенно определенном настроении части военных, критиковавших конкордат — что особенно важно отметить — с явно республиканских позиций. Подобные настроения были характерны и для известной части фрондировавшего наполеоновского генералитета, среди которой можно назвать немало действительно крупных имен, например: Моро, Бернадотт, Ожеро, Дельма, Лекурб, Брюн, Мюллер и др.¹⁴ Их недовольство отмечалось многими современниками. «Распространился слух, — вспоминал Тибодо, — что первый консул хотел было устроить освящение полковых знамен, но не решился на это, потому что солдаты грозили, что они растопчут их ногами»¹⁵.

Взятый курс отталкивал от правительства также и некоторые круги либеральной буржуазии. Трибунат демонстративно избрал своим председателем Шапсуи, автора известного исследования о происхождении культов, написанного во враждебном католицизму тоне; в состав Сената вошел конституционный епископ Грегуар, видный деятель революции и противник Ватикана¹⁶, в трибунале и законодательном корпусе вокруг Б. Констана, Андрея, Шенье, Дону, Женгене, Сэ стала складываться сильная оппозиция¹⁷. Резко враждебно к конкордату отнеслись члены Института, среди которых было немало сторонников наполеоновского переворота. Воспитанные в духе просветительской идеологии XVIII в., ярые вольтерьянцы, они никак не могли понять необходимость примирения с католицизмом.

В этом смысле показателен разговор Вольнея, одного из лидеров тогдашних либералов, с первым консулом. Видный деятель Учредительного собрания, философ и автор книги «Руины, или Размышления о революциях империй», Вольней прямо высказал свое несогласие с конкордатом. Наполеон, не желая вести спор, заявил, что семь веков Франция была католической и надлежит поэтому прислушаться к мнению народа... «Если это мнение народа вы учитываете, — иронически ответил Вольней, — то я должен вам сказать, генерал, что семьсот лет Франции требуют также и возвращения Бурбонов»¹⁸. По-видимому, этот приведенный роялистским агентом разговор не был выдумкой, хотя и нельзя это утверждать точно. Но родился он, несомненно, в те дни (хотя бы в виде анекдота), и ответ Вольнея, мнимый или настоящий, был еще одним аргументом не в пользу Наполеона.

Таким образом, со второй половины 1801 г. в одном оппозиционном правительству лагере оказываются и якобинско-бабувистские элементы, и либералы, и военные. Происходит как бы временное слияние всех этих сил под республиканско-либеральным флагом. «Многие генералы, недовольные деспотизмом, — писал русский посланник Марков, — объединились с членами законодательного корпуса и трибуната»¹⁹. То же самое позднее в своих воспоминаниях заявляла г-жа де Сталь. Она сообщала, что в те дни (в конце 1801 и начале 1802 г.) сформировалась группа военных (во главе с Бернадоттом), членов трибуната и сенаторов, пытавшихся воспрепятствовать укреплению наполеоновского деспотизма. Сама г-жа де Сталь, по ее словам, «часто встречалась с Бернадоттом и его друзьями... Предлагались различные проекты, в основе которых лежали законодательные меры, но рассматривались также и другие способы действий»²⁰.

¹⁴ Bonaparte et les Bourbons, p. 78.

¹⁵ [Thibaudeau A.-C.] Op. cit., p. 163—165.

¹⁶ История Франции. М., 1973, т. 2, с. 122.

¹⁷ Gaubert A. L'opposition des assemblées pendant le Consulat. 1800—1804. Paris, 1925, chap. IV.

¹⁸ Bonaparte et les Bourbons, p. 44—45.

¹⁹ АВГР, ф. Канцелярия, 1801 г., д. 8951, л. 100—101.

²⁰ M-me de Staël. Dix années d'Exil. Paris, s. a., p. 43.

Характерно, что именно в эти дни в обществе все чаще и настойчивее ставится вопрос об опасности провозглашения новой монархии. В различных памфлетах, нелегально распространявшихся в предместьях Парижа, на собраниях якобинцев и даже в кругу членов трибунала неоднократно обсуждалась такая возможность. 17 сентября 1801 г. «бешеные» (по терминологии полицейских донесений), «собравшиеся в одном из кафе, заявляли, что они не будут праздновать день образования республики, так как этот день уже стал днем рождения новой монархии» (выделено полицией)²¹. 13 октября 1801 г. в Париже распространился слух об уничтожении республиканского календаря, а 11 января 1802 г. на одном из собраний итальянских демократов утверждалось: «Французы не знают ничего другого, кроме скрытой монархии»²².

Наполеона беспокоила складывавшаяся новая оппозиция, и он поспешил с ней разделаться сразу же после заключения Люневильского мира. Под предлогом предписываемого конституцией ежегодного обновления обеих палат на одну пятую часть их состава Сенат исключил из трибунала и законодательного корпуса почти всех оппозиционных деятелей, в том числе Бенжамена Констана, Андрея, Дону, Шенье, Женгене, Сэ, Ларомигьера и др.²³

Неудача парламентских действий заставила некоторых оппозиционеров искать успеха на путях открытого сопротивления власти. А. Олар справедливо отмечал, что «эта республиканская оппозиция, шла ли она со стороны военных сил или со стороны бывших демократов, принуждена была тогда замкнуться в тайные заговоры...»²⁴. В этой ситуации особенно большую роль стали играть демократически настроенные офицеры, ибо только армию можно было противопоставить силе наполеоновского деспотизма.

В те дни оппозиционный дух в войсках проявлялся настолько явно, что 1 мая 1802 г. последовало распоряжение префекта об установлении самого тщательного наблюдения за казармами Парижа²⁵. «Большинство солдат, — говорилось в отчете столичной префектуры, — не сочувствует нынешнему порядку вещей»²⁶. Недовольство сделалось еще более сильным после учреждения ордена Почетного легиона, своеобразного института, преследовавшего цель создания «демократического дворянства». В трибунате и законодательном корпусе эта идея подверглась резкой критике, высмеяна она была и в доме генерала Моро.

Недовольство армии нашло выражение в попытке военного переворота. Центр готовившегося заговора находился в Рейнской армии, солдаты и офицеры которой были известны неприязненным отношением к первому консулу. Они видели в нем узурпатора и хотели ограничить его власть. Непосредственным руководителем заговора был пламенный республиканец, участник революционных войн бригадный генерал Симон, начальник штаба этой армии. Возможно, что за спиной Симона стояли и более влиятельные генералы — в частности Бернадотт, командующий этой армией, Лекурб, Дельма и др. Эти военные были в контакте с либералами, исключенными из законодательных органов²⁷.

Всю непосредственную работу по организации переворота проводили Симон и его друг полковник Пиното, командир 82-го полка. Судя по воспоминаниям генерала Марбо, Симон через офицера Фуркара, переезжавшего из гарнизона в гарнизон, сумел создать в армии «секретную лигу, в которую вошли почти все полковники и масса высших офице-

²¹ Paris sous le Consulat, vol. 2, p. 553.

²² Ibid., p. 570, 722.

²³ Бутенко В. А. Либеральная партия во Франции в эпоху Реставрации. СПб., 1913, с. 76.

²⁴ Олар А. Политическая история Французской революции. М., 1938, с. 925.

²⁵ Paris sous le Consulat, vol. 2, p. 28.

²⁶ Ibid.

²⁷ M-me de Staël. Op. cit., p. 43—44.

ров, настроенных против первого консула и обвивавших его в стремлении восстановить королевство»²⁸. Со своей стороны Пиното, как писал префект Ренна Мунье министру внутренних дел, «прилагал все усилия, чтобы возбудить солдат против правительства». Он отказывался «пресекать ужасные речи, которые держали офицеры в кафе и общественных местах», «подстрекал их, распространяя слух, что правительство будет уничтожено»²⁹. Такую же деятельность в своих частях проводили офицеры Бертран, Делаборд. В короткий срок заговорщикам удалось создать сеть своих единомышленников. Непосредственной их опорой стал 82-й полк.

По своим задачам этот заговор был чисто республиканским. Если еще у Моро или Бернадотта были свои честолюбивые планы, то в основной массе военных, составившей костяк заговора, господствовало стремление восстановить республику и не допустить провозглашения новой монархии. Биографии Симона, Пиното, Бертрана и других офицеров, принявших участие в этом выступлении, свидетельствуют, что они были искренними демократами, воспитанными революционными войнами и ненавидевшими всякое проявление реакции. Когда Симона, уже после ареста, на допросе спросили, как стало возможным, что он, являясь начальником штаба одной из французских армий, принял участие в заговоре, то этот генерал гордо ответил: «Я думал, что свобода, которую я защищал в течение десяти лет, уничтожается такими актами правительства, как возвращение эмигрантов и священников; ...что установление пожизненного консульства привело бы к полной узурпации власти первым консулом и уничтожило бы усилия всех республиканцев по сохранению республики...»³⁰. Другой участник заговора, якобинец Шоссебланш (собственник типографии с 1793 г.), на допросе показывал, что целью выступления был «созыв Конвента и отстранение первого консула от власти»³¹.

Политические цели заговорщиков достаточно ясно сформулированы в воззваниях к армии и обществу, которые были написаны Симоном и отпечатаны Шоссебланшем: «Тиран узурпировал власть. Кто этот тиран? — Бонапарт! Какова наша цель в борьбе за республику? — Уничтожить всякую знать и церковников, восстановить самое совершенное равенство!»³². В другой прокламации — «Обращение к армии, различным частям и военным в отставке...» говорилось: «Храбрые товарищи по оружию! Республика — дело ваших рук, вашей доблести и вашего упорства — сейчас только пустое слово; вскоре, несомненно, Бурбоны будут на троне, или Бонапарт провозгласит себя императором или королем»³³.

Составленные в этом духе прокламации распространялись бывшим адъютантом Бушотта (в 1793 г.) Журдэйлем. Участие его и Шоссебланша в заговоре заставляет предполагать причастность к нему и других якобинцев. Как видно из многих полицейских отчетов за 1800 г., Ф. Лепелетье и П. Антонелль поддерживали тогда постоянные контакты с «анархистами» Рейнской армии через Бюргюбрю и Сижá, тоже убежденных якобинцев. Весной 1800 г. Антонелль якобы даже отправил в Рейнскую армию свое произведение, раскрывающее «пороки конституции VIII года»³⁴. Многие говорят за то, что уже тогда вынашивались планы государственного переворота. Косвенно эти факты подтверждаются и действиями полиции. После раскрытия заговора аресты произошли не только в Рейнской армии, но и в других столичных гарнизонах и даже

²⁸ *Marbot de. Mémoires*. Paris, 1891, vol. 1, p. 155—156.

²⁹ *Augustin Thierry G. Conspirateurs et gens de Police. Le complot des libelles*, Paris, 1903, p. 290—291.

³⁰ *Ibid.*, p. 294.

³¹ *Ibid.*

³² Текст прокламаций см.: *Ibid.*, p. 91—92.

³³ *Ibid.*, p. 93—95.

³⁴ *Paris sous le Consulat*, vol. 1, p. 498.

среди консульской гвардии³⁵. Сам префект Ренна отмечал, что «конкордат и пожизненный консулат довели до отчаяния горячие головы»³⁶.

Симон и его единомышленники ожидали, что первым поднимется гарнизон Ренна, к нему присоединятся другие дивизии, а затем и в остальных гарнизонах, в том числе и в Париже, произойдут выступления. В результате всеобщего военного восстания будут опять «восстановлены законы единой и нераздельной республики» (в более конкретном плане о них ничего не говорилось), отменены католический культ, амнистия эмигрантам и другие мероприятия монархического толка.

Аресты Симона, Пиното, Фуркара, Бертрана и других офицеров Рейнской армии в июне 1802 г. предотвратили выступление, но далеко не раскрыли всех обстоятельств дела. Генерал Симон взял всю вину на себя, заявив Фуше, что он один был организатором заговора. В такой трактовке событий отчасти было заинтересовано и правительство. Наполеону хотелось изобразить заговорщиков случайными одиночками и по возможности предотвратить распространение слухов об армейской оппозиции. «Европа могла думать,— писал по этому поводу А. Олар,— что молчание Франции свидетельствует о всеобщем и безусловном одобрении народом политики гениального человека, прокладывающего себе путь к престолу»³⁷.

Именно эти соображения повлияли на решение первого консула отправить лучшую часть Рейнской армии воевать и умирать на Сан-Доминго. В то же время Наполеон опасался проводить широкие репрессии и старался действовать иным путем. Многие военные из высшего генералитета, заподозренные как участники заговоров или просто сочувствовавшие, были отправлены в самые далекие департаменты Франции или же за границу посланниками, как, например, Брюн и Ланн (в Константинополь и Лиссабон). В отношении Бернадотта, Моро, Дельма и некоторых других генералов не было принято тогда никаких мер: первому консулу не хотелось обострять и без того напряженную ситуацию³⁸.

Заключение Амьенского мира с Англией 27 марта 1802 г. (об Амьенском мире в собраниях было объявлено 6 мая 1802 г.) и подавление оппозиции расчистили почву для дальнейшего упрочения наполеоновской диктатуры. В результате плебисцита, проведенного 2 августа 1802 г., Сенат объявил Наполеона Бонапарта пожизненным консулом и его полномочия в соответствии с сенатус-консультумом от 4 августа 1802 г. сильно расширились. Наполеон получал право представить Сенату своего преемника (когда он сочтет это уместным), а также заключать договоры о мире и союзе, назначать второго и третьего консулов, кандидатов в Сенат и т. д. Кроме того, особым постановлением Наполеону фактически разрешалось проводить через Сенат мероприятия, не предусмотренные конституцией, путем издания органических сенатус-консультумов и даже приостанавливать действие конституции. Тем самым роль избирательных учреждений еще больше сводилась на нет. Законодательный корпус утратил право регулярного созыва заседаний, состав трибуната был сокращен до 50 безмолвных членов. День рождения Наполеона был объявлен национальным праздником, а с 1803 г. на монетах появилось его изображение³⁹. Власть первого консула возросла необычайно, и, как писал Бурьени в своих воспоминаниях, теперь «для самых непрозорливых людей стало очевидно, что могуществу первого консула недостает одного только наименования и что все с данного времени им делаемое обнаруживало скрытые замыслы и честолюбие, весьма превышавшие пожизненное консульство»⁴⁰.

³⁵ Bonaparte et les Bourbons, p. 30.

³⁶ Guillon E. Les complots militaires sous le Consulat et L'Empire. Paris, 1894, p. 37.

³⁷ Олар А. Консульство.— В кн.: История XIX века/Под ред. Э. Лависса, А. Рамбо. М., 1938, т. 1, с. 65.

³⁸ Augustin-Thierry C. Op. cit.

³⁹ Манфред А. З. Указ. соч., с. 409—410.

⁴⁰ Bourienne. Mémoires sur Napoléon. Paris, 1830, vol. 4, p. 324.

Усиление авторитарных начал консульского режима встретило некоторое сопротивление республиканских кругов армии и общества. Это показал даже плебисцит X года, который проходил под строгим контролем служб Фуше. Если против конституции VIII года голосовало 1562 человека, то против пожизненного консульства — уже 8374. Любопытны наблюдения А. Олара, исследовавшего в Национальном архиве списки голосов. В защиту переворота 18 брюмера, отмечал он, выступали некоторые горячие демократы, например Бушотт; теперь же, в X году, «большинство людей революционной эпохи воздержалось от голосования, и мы не найдем в парижских списках почти ни одного из членов Учредительного собрания или Конвента, ни одного из ученых или академиков, ни одного из тех людей 1789 или 1793 гг., которые примкнули к конституции VIII года»⁴¹. Таким образом, налицо отход от Бонапарта или по крайней мере разочарование в нем значительного числа демократов и либералов, поддерживавших его ранее. Отметим сразу, что это разочарование не носило характера личных обид — вотировать «нет», справедливо отмечал А. Олар, значило тогда внести самому «свое имя в список возможной проскрипции»⁴².

По полицейским обзорам можно представить более или менее зримо причины недовольства республиканцев. В рапорте парижской префектуры от 29 августа 1802 г. сообщалось о настроениях «большинства бывших членов Конвента, оставшихся без места»: «Они говорят, что Франция полностью разрушена и народ лишен теперь возможности высказывать свои требования; собрания, установленные конституцией для защиты его прав, не имеют силы и власти и состоят из людей, боящихся потерять свои места и не желающих откровенно высказываться; почти все правительственные служащие ведут себя приблизительно так же...»⁴³. В другом рапорте, от 29 октября 1802 г., речь шла о настроениях бывшего члена Конвента Изабо (Ysabeau), который заявлял, что теперь хотят «отстранить патриотов от всех постов» и подвергнуть их проскрипциям⁴⁴. Аналогичные мысли высказывал и сын бывшего члена Конвента Мор (Maure). Правительственные постановления, заявлял он, «нанесли последний удар революции и, наконец, вскоре последует изгнание из Франции всех республиканцев»⁴⁵. Подобные заявления были далеко не редкими, они отражали настроения многих бывших активных участников революции. Весьма характерным для этих слоев было голосование принципиального республиканца Перригэ, вотировавшего отрицательно. «Я, — заявил он, — никогда не подам свой голос за тирана, как бы он ни называл себя — королем, императором, триумвиром или пожизненным консулом»⁴⁶. В те дни разговоры о будущей монархии приобрели, можно сказать, всеобщий характер. «Вновь начинают говорить об империи и императоре галлов», — сообщалось в донесении хорошо информированного роялистского агента 6 июля 1802 г.⁴⁷

Одновременно с бывшими членами революционных комитетов пожизненное консульство осуждали и многие буржуазные либералы. А. Олару не удалось разыскать вотумы членов Трибуната и Законодательного корпуса, но, по свидетельству Фориэля (онд подтверждается также сообщениями роялистского агента), в первой палате «против» голосовал Карно, а во второй было подано три отрицательных вотума⁴⁸. Особую огласку

⁴¹ Олар А. Политическая история Французской революции, с. 9.

⁴² Там же, с. 911.

⁴³ Paris sous le Consulat, vol. 3, p. 226.

⁴⁴ Ibid., p. 360.

⁴⁵ Ibid., p. 496, 546—547.

⁴⁶ Сюратто Ж. Бабувисты, «красная опасность» и пропаганда Директории. — В кн.: Французский ежегодник, 1960. М., 1961, с. 106.

⁴⁷ Bonaparte et les Bourbons, p. 28.

⁴⁸ Ibid., p. 117.

получил отрицательный вотум Лафайета. Любопытно, что под воздействием авторитарных шагов Наполеона некоторые деятели (Неккер, К. Жордан) эволюционировали в сторону роялизма, полагая, что конституционная монархия предпочтительнее для народной свободы и блага государства, чем цезаристская республика⁴⁹. В общем нам представляется справедливым мнение А. Олара, что «плебисцит о пожизненном консульстве отметил собой разрыв Бонапарта с частью либералов 1789 г., которые участвовали в 18 брюмера или допустили его»⁵⁰.

Как обстояло дело в армии? А. Олар выразил предположение и, на наш взгляд, с основанием, что далеко не все отрицательные вотумы были обнародованы⁵¹. Согласно некоторым современникам, более всего протестов исходило из армии⁵². Известно настроение некоторых воинских частей в столичном гарнизоне и департаментах. В казармах 82-го полка (Рейнской армии), отправленного на Сан-Доминго, были обнаружены плакаты: «Да здравствует республика! Смерть врагам!», «Да здравствует Моро! Смерть первому консулу!»⁵³. В самой консульской гвардии находились офицеры, связанные с Симоном (полиция раскрыла попытки итальянских демократов устроить в консульскую гвардию своих товарищей)⁵⁴. «Консульская гвардия,— писал Стендаль,— своим ропотом дала ему (Наполеону.— Д. Т.-Б.) понять, что она еще не забыла клича „Да здравствует республика!“, так часто увлекавшего ее к победе»⁵⁵. Порой в полицейских рапортах сообщалось о существующей будто бы связи между отдельными гарнизонами⁵⁶. «В Версале,— говорилось в обзоре министерства полиции,— царит дух недовольства и неподчинения, наиболее сильно выраженный среди карабинеров; они часто выступают против первого консула... Многие из них заявляют: „Мы не желаем больше служить в этой лавке“»⁵⁷.

Среди военных получили распространение антибонапартистские брошюры и карикатуры. 22 октября 1802 г. у командира батальона Робержо был изъят памфлет «Appel à l'examen du Premier Consul», полный упреков по адресу правительства⁵⁸. Стендаль позднее вспоминал, что в те дни на парижских бульварах появилась карикатура, изображавшая ребенка, подгоняющего палкой индюков; подпись гласила: «Империя галлов»⁵⁹.

В таких настроениях, пожалуй, нет ничего удивительного. После раскрытия заговора Симона оппозиционно настроенные офицеры и генералы группируются вокруг Моро, на которого, как отмечалось во многих полицейских рапортах, не только в армии, но и в обществе смотрят «с надеждой» и говорят, что «он — единственный, кому можно вверить судьбу государства»⁶⁰. Подобно Моро, продолжали фронду генералы Дельма, Лекурб, Макдональд, Брюн («подававший в Константинополе надежду бешеным»), Массена и другие военные⁶¹.

⁴⁹ В начале августа 1802 г. Неккер опубликовал произведение «Dernières vues de politique et de finances offertes à la nation», в котором, критикуя конституцию VIII года, высказывал свое «великое предпочтение» английской монархии (Gaubert A. Op. cit., p. 184).

⁵⁰ Олар А. Политическая история Французской революции, с. 912.

⁵¹ Там же, с. 911.

⁵² Там же.

⁵³ Gaubert H. Op. cit., p. 152.

⁵⁴ Gaubert H. Op. cit.; Paris sous le Consulat, vol. 3, p. 565.

⁵⁵ Стендаль. Собр. соч.: В 15-ти т. М., 1959, т. 2, с. 45; о брожении в консульской гвардии см.: Paris sous le Consulat, vol. 3, p. 651.

⁵⁶ Paris sous le Consulat, vol. 3, p. 264, 221.

⁵⁷ Ibid., p. 313.

⁵⁸ Ibid., p. 336.

⁵⁹ Стендаль. Собр. соч., т. 2, с. 45.

⁶⁰ Paris sous le Consulat, vol. 3, p. 336.

⁶¹ Ibid., p. 430. Роялистский агент писал в Лондон, что Дельма открыто отзывался о Наполеоне как о «злодее и монстре». Когда же первый консул написал ему и потребовал объяснений, то Дельма в «своем ответе повторил свои собственные речи, даже в более резкой форме, и подписал письмо» (Bonaparte et les Bourbons, p. 31).

Некоторые факты позволяют утверждать, что недовольство ощущалось не только в столице, но и в департаментах. В Безансоне в сентябре 1802 г. была обнаружена прокламация, порицающая осуществленную Наполеоном реформу народного образования⁶². По сведениям полиции, республиканцы поддерживали тайную переписку с севером и югом Франции, сносились также со Страсбургом. Это трудно проверить, но все же отдельные факты косвенно подтверждают наличие таких контактов.

В 1802 г. парижской полиции стало известно, что высланные на о-ва Ре и Олерон «бешеные» якобы разрабатывают планы бегства и «связаны с несколькими офицерами»⁶³. В другом рапорте говорилось (также вскользь) о готовящемся побеге с о-ва Ре Ф. Лепелетье: «Говорят, что друзья Ф. Лепелетье изыскивают способы, чтобы его возвратить...»⁶⁴. Возможно, все это соответствовало действительности. Ф. Лепелетье, как и Мее-де-Ла-Туш и Фурнье-американец, совершили в скором времени побег. Согласно Ш. Нодье, комендант о-ва Ре полковник Ж.-Ж. Уде, ярый республиканец, поддерживал связи со многими ссыльными (на о-ве Олерон находился тогда Ф. Буонаротти), обеспечил им более свободный режим (они могли свободно передвигаться по острову) и участвовал в подготовке побега⁶⁵. Ж. Дестрем допускал возможность контактов между Ф. Лепелетье и Ж.-Ж. Уде, считая свидетельством Ш. Нодье заслуживающим самого серьезного внимания⁶⁶. Как и некоторые другие советские историки, мы вполне согласны с Ж. Дестремом, тем более что и имеющиеся в нашем распоряжении документы подтверждают его вывод⁶⁷.

Нельзя также не учитывать, что именно в те годы происходило формирование тайных ассоциаций. В Италии были особенно распространены иллюминатские ложи, давшие позднее жизнь карбонарским сектам. Полиция указывала, что «иллюминаты в точности похожи на тех, кого называют во Франции бешеными якобинцами (*les jacobins enragés*)». «Все эти лица действуют в интересах итальянской республики, которую они желают объединить»⁶⁸. Полиция утверждала, что ей известны их связи с генералом Журданом, который не препятствовал распространению иллюминатских лож в Турине⁶⁹. Пьемонтским иллюминатам удалось распространить свое влияние и на Париж, где ими была образована франкмасонская ложа «Франдо». Член трибуната, «личный друг Босси» (одного из корифеев иллюминатского движения), курсировал между Парижем и Туринном. Также наезжал в Париж и Ботта, «близко связанный с итальянской партией» (он прибыл в Париж 17 октября 1802 г.), и Бюнивива, врач из Турина, «один из наиболее пламенных сторонников итальянской лиги» (Бюнивива приехал в Париж 2 ноября 1802 г.). Другой итальянец, скульптор Коммоли, бывший ранее другом Черакки (казненного за участие в заговоре против Наполеона), находился в близких отношениях с генералом Массена и часто у него бывал⁷⁰. «Он,— писал префект о Коммоли 11 ноября 1802 г.— представил ему (имеется в виду Массена.— Д. Т.-Б.) всех подонков — пьемонтцев, лигурийцев, неаполитанцев, цизальпинцев; он имеет брата в Турине... подонка, готового в любой момент к восстанию»⁷¹. Несколько месяцев спустя, в конце 1802 г.,

⁶² *Villat L.* Un placard contre Bonaparte.— *Annales révolutionnaires*, 1921, vol. XIII, p. 325—327.

⁶³ *Paris sous le Consulat*, vol. 3, p. 427.

⁶⁴ *Ibid.*, vol. 3, p. 308.

⁶⁵ *Nodier Ch.* Histoire de sociétés secrètes de l'armée. Paris, 1815, p. 141.

⁶⁶ *Destrem J.* Les déportation du Consulat.— *La Revue historique*, 1878, mai — juin, p. 94—95.

⁶⁷ *La Révolution Française*, vol. XIV, 1888, p. 635.

⁶⁸ *Paris sous le Consulat*, vol. 3, p. 273—275.

⁶⁹ *Ibid.*, p. 274; о Журдане см.: *Bersano A.* L'abate Francesco Bonardi e i suoi tempi. Torino, 1957, p. 52, 55—56.

⁷⁰ *Paris sous le Consulat*, vol. 3, p. 388, 325, 371—372.

⁷¹ *Ibid.*, p. 388.

в Париже возникают иллюминатские ложи⁷². Все эти полицейские свидетельства позднее нашли подтверждение в новейших исследованиях итальянского историка А. Берсано⁷³.

Таким образом, есть основания говорить о наличии контактов, пусть эпизодических и нерегулярных, легко пресекаемых полицией, но все же несомненных контактов между итальянскими и французскими демократами.

В те дни в Париже было весьма беспокойно. Утверждение А. Олара, что «исключительные» (так именовались в полицейских документах якобинцы) после провозглашения пожизненного консульства «молчали», по нашему мнению, противоречит фактам⁷⁴. Верно, что активных выступлений против наполеоновского деспотизма не происходило, что либеральная оппозиция в палатах была легко задавлена, заговоры не удались, так как массы в целом, за исключением демократической прослойки в армии и рабочих предместий, их не поддерживали, но до полного молчания было далеко. Ропот бывших участников революции все же ощущался явственно. Только с конца августа 1802 и до начала 1803 г. (т. е. всего за шесть месяцев) полиция зафиксировала несколько мест, где систематически собирались демократы: кафе «Прокоп», дом бывшего члена трибунала Бальеля; в январе 1803 г. «частные собрания» происходили у братьев Карно, в кафе на улице Булуа, у торговца винами Тьерри; в доме бывшего трибунала Сент-Альбена, в доме Филидора, ул. Бобур, № 503. Как раз в эти дни возникла ложа Пифагора, которая устраивала свои заседания в Тиволи; «там собирается много народа», отмечала полиция; весьма частыми были собрания у фрондирующих генералов⁷⁵.

Естественно, что полиция, как ни старалась, не могла зафиксировать все места встреч. Их было, возможно, значительно больше. Что же представляли собой эти собрания?

У нас нет оснований считать, что «исключительные» вкупе с либералами готовили там государственный переворот. Отнюдь нет. Но на этих сходках, часто, вероятно, возникавших случайно, демократы обсуждали политические изменения и давали им свою оценку. Таким образом, их речи, отдельные высказывания можно считать известным критерием для характеристики настроения левых кругов. В доме братьев Карно говорилось о том, что повсюду во Франции царит недовольство и все требуют изменения правительства (здесь желаемое выдавалось за действительное)⁷⁶. Собиравшиеся в кафе «Прокоп» были настроены более трезво и даже пессимистично: «Несколько исключительных обижаются и повторяют, что нет больше счастья во Франции... что каждый раз, когда они видят буржуазную карету, они говорят: „Вот едет мошенник, так как богачом может быть лишь тот, кто грабит государственное казначейство“. Они добавляют, что было больше счастья во времена Конвента и Директории». «Все люди этой партии,— писал префект,— говорят так же»⁷⁷. У трибуна Бальеля говорилось о недовольстве в департаменте Нор⁷⁸. «Вся клика бывшего трибуна Сент-Альбена продолжает заниматься клеветой на правительство. Эти люди говорят, что даже в охране первого консула есть лица, не уважающие современный порядок и преданные Массенà, Ожеро и др.»⁷⁹. «Время от времени происходят собрания людей этой партии у Декланше... Эти бешеные используют трудности сезона, чтобы преувеличить общественную нищету, и пытаются

⁷² Ibid., p. 275.

⁷³ Bersano A. Op. cit., p. 35—62.

⁷⁴ Олар А. Политическая история Французской революции, с. 921.

⁷⁵ Paris sous le Consulat, vol. 3, p. 574, 609.

⁷⁶ Ibid., p. 553.

⁷⁷ Ibid., p. 347.

⁷⁸ Ibid., p. 413.

⁷⁹ Ibid., p. 573.

возбудить умы. Они часто говорят, что не оказывается никакой помощи бедным...»⁸⁰

Таких примеров можно было бы привести много. Отсюда видно, что «исключительные» стремились на своих собраниях разобраться в ситуации, определить эволюцию консульского режима, настроение армии и народа. Порой, конечно, допускались явные преувеличения сил оппозиции, очень, однако, понятные в той обстановке. Никакие акции не намечались и не предпринимались.

В то же время, анализируя эти материалы, нетрудно видеть, что демократы и вообще оппозиционеры хорошо понимали свою слабость. Легальное сопротивление не удалось, нелегальные попытки сорваны. Деспотизм с каждым днем крепнет. В этих условиях отсутствия сколь-нибудь широкой социальной базы демократы ориентировались на армию, где их республиканские чувства находили наибольший отклик. Понятно поэтому, что во второй половине 1802 г. в лагере оппозиции на первый план выдвигается фигура генерала Моро.

В его имении Гробуа и парижском доме собирались время от времени Массена, Ожеро, Бернадотт, Лекурб, Дюма, Макдональд и другие оппозиционно настроенные офицеры и генералы. Они вели «дерзкие речи», высмеивали новые преобразования. Кругок этих военных, пользовавшихся немалой популярностью в армии, тревожил первого консула. Особенно его беспокоили возникавшие контакты генеральской верхушки с отдельными «исключительными», о чем он получал сведения со всех сторон. С января 1803 г. в Париже даже стали распространяться прокламации: «Франция погибла! Да здравствует Моро!» или «Да здравствует Моро! К черту правительство!»⁸¹. «Исключительные, — писал префект Парижа, — много говорят о Моро»⁸².

Пытались ли, однако, генералы организовать военный переворот? Совершенно очевидно, что нет. Нам представляется верной оценка ситуации, данная роялистским наблюдателем. Говоря о том, что «отчетливо видно» складывание в армии враждебной первому консулу партии, «состоящей из наиболее известных генералов» и представляющей для Наполеона гораздо большую опасность, нежели сенатская оппозиция, роялистский агент добавлял, что при этом ничто не дает оснований утверждать, будто у Моро, лидера этой партии, есть какой-то конкретный план действий⁸³. Этот вывод, в сущности, был подтвержден и полицией, не спускавшей глаз с дома Моро в Париже на ул. Анжу и его имения в Гробуа. Префект старался использовать любую возможность для получения информации об этих собраниях. Но, несмотря на самое тщательное наблюдение, ему не удалось получить каких-либо сведений о конкретном плане антиправительственных действий.

Только один раз в обзорах префектуры промелькнуло сообщение, что некий Шеврийон (Chevrillon), близкий друг Приера из Марны, бывший судебный исполнитель Комитета общественной безопасности («в доме которого, как сообщала полиция, происходили тайные собрания фракции Бабефа») говорил, что он думает о «своей партии». Согласно заявлениям Шеврийона, в феврале 1803 г. состоялись небольшие собрания у Ожеро, где присутствовали Массена, несколько бывших членов Конвента (кто — в рапорте не указывалось) и трибунов. «Там говорилось о наличии большого числа офицеров в отставке, которые прекрасно настроены; что желательно найти способ возбуждения в Париже маленьких выступлений, которые могут привести к большим результатам; дороговизна продуктов может служить отличным предлогом; не следует ничего писать, чтобы не

⁸⁰ Ibid., p. 638.

⁸¹ Ibid., p. 556.

⁸² Ibid.

⁸³ Bonaparte et les Bourbons, p. 233–237.

оставлять следов заговора; что касается переписки с департаментами, то после получения письма следует немедленно сжигать...»⁸⁴

Это сообщение, несомненно, было сильно преувеличенным. Однако даже если бы все сказанное в нем соответствовало действительности, то у нас по-прежнему нет каких-либо точных сведений о подготовке переворота. Все эти сведения говорят только о фронде генералов, в том числе и самого Моро. Их оппозиционность могла быть опасной во время политических кризисов, в мирные же периоды генеральская фронда была слабой и неопределенной, хотя, безусловно, имела республиканский характер.

Наполеона беспокоили складывание оппозиционной республиканской группировки в армии и более всего вызывающее поведение генерала Моро. Политические взгляды самого Моро представляются неясными. Ряд историков (среди них Ж. Лефевр и Ж. Сюратто) допускали возможность связей этого генерала с консервативными кругами и с Пишегрю, готовившими осенью 1797 г. монархический заговор против Директории. По их мнению, и конец Моро — его бесславная гибель под Лейпцигом в лагере антифранцузской коалиции — была далеко не случайной и свидетельствовала о его связях с монархистами и ранее⁸⁵. Трудно сделать какие-либо заключения по данному вопросу. Как известно, Директория только время отпустила Моро от командования войсками, затем он вновь вступил в свою должность и на посту командующего добился больших успехов. Они настолько укрепили его авторитет в стране, что и подлинно республиканские элементы, и фрондирующие генералы могли смотреть на Моро как на наиболее крупного деятеля в оппозиционном лагере, способного, как им казалось, противостоять Наполеону.

Со своей стороны первый консул понимал, что разделаться с Моро обычным способом трудно — слишком велика была популярность этого генерала в стране. Оставалось скомпрометировать его, обвинить, например, в роялизме. Поведение самого Моро очень скоро предоставило Наполеону такую возможность. В начале 1804 г. во Францию прибыл Пишегрю, который попытался уговорить Моро действовать в интересах Бурбонов. За этими переговорами внимательно наблюдала агентура Фуше, возможно, и все демарши лондонских роялистов были спровоцированы ею⁸⁶. До сих пор не вполне ясно, как развивались отношения Моро с роялистами. Вполне вероятно, что генерал отказался тогда содействовать возвращению Бурбонов, да и французская полиция фактически ничего не сумела доказать⁸⁷.

Но уже сам факт переговоров с руководителями англо-роялистского заговора давал первому консулу великолепный козырь противника, которым он не преминул воспользоваться. 15 февраля 1804 г. Моро был арестован, и в тот же день парижане узнали из газет, что прославленный военачальник изменил Республике, войдя в сношения с роялистами. 23 февраля был взят Пишегрю, а затем 8 марта и Ж. Кадудаль. И только 1 июля 1804 г., почти через три месяца после ареста Моро, начался судебный процесс.

В связи с арестом Моро с 15 февраля и до лета 1804 г., включая и время самого процесса, обстановка в Париже была чрезвычайно накаленной. «Общественное мнение, — писал маркиз де Галло, находившийся в Париже, — было потрясено так, как если бы произошло землетрясение»⁸⁸. Надо сказать, что Наполеон предвидел трудности, с которыми ему придется столкнуться. Чтобы обезопасить себя от возможной оппозиции, он

⁸⁴ Paris sous le Consulat, vol. 3, p. 620—621. О Шеврийоне см.: Сюратто Ж. Указ. соч., с. 104.

⁸⁵ Lejevre G. La France au temps du Directoire. Paris, 1977, p. 245.

⁸⁶ Известна провокаторская роль Мее-де-Ла-Туша. См. его сочинение: *Meehe. Alliance des jacobins de France avec le ministère anglais.* Paris, Germinal XII.

⁸⁷ Picard E. Bonaparte et Moreau. Paris, 1905.

⁸⁸ Цит. по: Манфред А. З. Указ. соч., с. 431.

распорядился в тот же день закрыть заставы столицы и назначил Мюрата военным губернатором Парижа. Вся полиция перешла в подчинение к Реалю. Сам Наполеон, опасаясь покушений, уехал вместе с Жозефиной в Мальмэзон.

Особого накала достигла обстановка в дни процесса. Редерер, один из верных бонапартистов, которого нельзя заподозрить в симпатиях к республиканцам, писал: «Я никогда не видал столь зловещего для правительства настроения. Оно напоминало хорошо известный мне дух, господствовавший в судах и народе в течение 87, 88 и 89 годов...»⁸⁹. Примерно так же оценивал ситуацию и сам Наполеон. Много позже, уже на о-ве Святой Елены, он так вспоминал это время: «Кризис был из сильнейших, в общественном мнении началось брожение, клеветали на добросовестность правительства по отношению к заговорщикам»⁹⁰. В тех же выражениях рисуют обстановку почти все мемуаристы⁹¹.

Республиканские круги Парижа не желали признавать Моро виновным. По столице разбрасывали прокламации и расклеивали плакаты: «Свобода Моро или смерть Бонапарту» или «Невинный Моро, друг народа, отец солдат — в оковах! Иностранец, корсиканец, стал узурпатором и тираном! Французы! Судите!»⁹². Между офицерами Рейнской армии, которой некогда командовал Моро, и итальянской стали возникать дуэли⁹³. Историк Бошан, будучи сам современником этих событий, писал в книге о Моро: «Возможно, никогда за время тирании Бонапарта люди не высказывались так свободно и смело, как тогда»⁹⁴. «Это была маленькая война мнений между Бонапартом и парижанами», — вспоминала г-жа де Ремюза⁹⁵. Судебные заседания проходили при явном сочувствии к обвиняемому. Из Булонского лагеря прибыла даже депутация офицеров в защиту Моро на суде⁹⁶.

Процесс шел чрезвычайно напряженно. На суде с большой и аргументированной речью выступил брат генерала Лекурба — адвокат Лекурб. «Я, — сказал он, — разделил со всеми французами чувства удивления и боли (*douleur*), узнав об аресте генерала Моро». Проверив тщательно факты, продолжал Лекурб, он убедился в невинности подзащитного. Он подчеркнул, что существуют разногласия между правительством и общественным мнением. «Если правительство, — заявил он, — его обвиняет, то, с другой стороны, нужно сказать с полной откровенностью, общественное мнение, мнение всей Франции (*l'opinion de la France entière*) отвергает это обвинение»⁹⁷. Суть речи Лекурба, как он ее изложил, правда, гораздо позднее, в 1814 г., сводилась к тому, что следствием доказан только факт контактов Моро с роялистами, притом всего лишь случайных, а не его желание действовать в интересах Бурбонов и участвовать в заговоре.

Это выступление произвело впечатление и вызвало растерянность даже среди судей. Когда 9 июня состоялось совещание, которое должно было решить судьбу Моро, то семь голосов против пяти было подано за его оправдание⁹⁸. Важно отметить, что процесс рассматривался правительством как процесс над лидером республиканской оппозиции, чье осуждение необходимо для дальнейшего усиления режима. Это обстоятельство хорошо понимали и в обществе, и бонапартистски настроенные судьи. Очень характерно, что после голосования председатель суда

⁸⁹ *Roederer P. L. Oeuvres*. Paris, 1854, vol. 3, p. 504.

⁹⁰ *Le Mémorial de Sainte-Hélène*. Paris, s. a., vol. 2, p. 371.

⁹¹ *Манфред А. З.* Указ. соч., с. 431—432.

⁹² *Beauchamp A. Vie politique, militaire et privée du général Moreau*. Paris, 1814, p. 99.

⁹³ *La police secrète...*, vol. 1, p. 10.

⁹⁴ *Beauchamp A.* Op. cit., p. 99.

⁹⁵ *Г-жа де Ремюза.* Мемуары. М., 1912, т. 1, с. 199.

⁹⁶ *Стендаль.* Собр. соч., т. 2, с. 207.

⁹⁷ *Lecourbe.* *Opinion sur la conspiration de Moreau*. Paris, 1814, p. 19—20.

⁹⁸ *Ibid.*, p. 65.

Эмар отказался прекратить дискуссию и вынести оправдательное решение. Эмар стал говорить о гражданской войне, которая будет развязана в случае оправдания Моро⁹⁹. Эмара поддержал Тюрио, который утверждал, что Моро не следует отпускать на свободу. «Это дело скорее политического толка, чем юридического,— говорил он,— и надо идти на жертвы, необходимые для безопасности государства»¹⁰⁰. Ту же мысль, но в еще более сильной форме высказал Гранже. Он заявил, что нужно осудить Моро, даже невиновного¹⁰¹.

Таким образом, правительство склонно было судить Моро за контакты с Пишегрю (попутно отметим, что те же обвинения можно было предъявить и Барбе-Марбуа, который также вступил в переговоры с роялистами, но против него не были даже начаты судебные преследования). Речь шла прежде всего об уничтожении республиканской оппозиции. В результате повторного голосования Моро был признан виновным, но приговор оказался чрезвычайно мягким — всего два года лишения свободы (если учесть, что основные участники этого дела, роялисты, были казнены).

Решение суда, по словам г-жи де Ремюза, было встречено «с оскорбительным для императора удовольствием»¹⁰². По словам будущего префекта Парижа Паскье, потребовались крайне энергичные меры полиции, чтобы «помешать проявлению за оградой трибунала взрыва чувств, очень сочувственных... к Моро особенно»¹⁰³. О том же вспоминал и Стендаль, тогда офицер наполеоновской армии. О приговоре он узнал утром 10 июня 1804 г., а вечером был на спектакле в театре, где смотрел пьесы «Сид» и «Дом». «Публика,— записал Стендаль в своих дневниках,— жадно ловит намеки, направленные против Бонапарта и в защиту Моро... Это нечто вроде диалога между актерами и публикой»¹⁰⁴.

Помимо общественного мнения, весьма благоприятного для Моро, на мягкости приговора сказались также и другие моменты. По словам г-жи де Ремюза, «раздавались некоторые угрозы, если его осудят»¹⁰⁵. По всей вероятности, республиканские круги не ограничивались выражением сочувствия, а пытались оказать на правительство более основательное давление. Согласно Ш. Нодье, «филадельфы», члены тайной республиканской организации, хотели в момент вынесения приговора броситься на охрану и отбить Моро, но неожиданно мягкое решение суда расстроило их замыслы¹⁰⁶. Это свидетельство Ш. Нодье о «филадельфах», к сожалению, не подкрепляется другими документами, но подобные попытки, возможно, были.

13 июля 1804 г. в бюллетене Фуше сообщалось, что в Париже был арестован некий Бертуа, принадлежащий к «экзальтированным революционерам». Он признался, что хотел убить Наполеона кинжалом, чтобы спасти Моро. О каких-либо деталях самой попытки в бюллетене не рассказывалось; сообщалось только, что Бертуа был не один, а с сообщником. Политическим взглядам Бертуа в бюллетене дана самая общая характеристика: «Он исповедует только революционные принципы и общается только с людьми, разделяющими его воззрения»¹⁰⁷. Однако в крайне беглом наброске его биографии есть одна примечательная деталь (характерно, что ее не забыли указать наполеоновские ищейки в бюллетене, который шел на прочтение императору): «Бертуа с успехом служил во французском батальоне, отправленном на Сан-Доминго»¹⁰⁸. Как из-

⁹⁹ Ibid., p. 66—67.

¹⁰⁰ Ibid., p. 67.

¹⁰¹ Ibid., p. 67—69.

¹⁰² *Г-жа де Ремюза*. Указ. соч., т. 1, с. 199.

¹⁰³ *Pasquier E. Mémoires*, 1893, vol. 1, p. 202.

¹⁰⁴ *Стендаль*. Собр. соч., т. 14. Дневники. М., 1959, с. 46.

¹⁰⁵ *Г-жа де Ремюза*. Мемуары, т. 1, с. 198—199.

¹⁰⁶ *Nodier Ch.* Op. cit., p. 140.

¹⁰⁷ *La Police secrète...*, vol. 1, p. 3.

¹⁰⁸ Ibid., p. 3.

вестно, на этот остров были посланы главным образом оппозиционно настроенные офицеры и солдаты Рейнской армии. Отсюда понятны симпатии бывшего солдата Моро к своему генералу.

Два года тюремного заключения были заменены Моро изгнанием за пределы Франции. Как выразился Паскье в этой связи, Моро-заключенный был опаснее для Бонапарта, чем Моро-изгнанник¹⁰⁹. Одновременно преследованиям подверглись офицеры и генералы, близкие к нему (Лагори, брат Лагори — Ленорман, Пьер Мари — адъютант Моро и др.). Однако и после отъезда Моро в Испанию, а затем и в Америку наполеоновская полиция с большим вниманием продолжала следить за французским генералом, сообщая о нем в своих бюллетенях даже интимные детали. Без сомнения, столь тщательный надзор был установлен за Моро по распоряжению императора, опасавшегося популярности этого генерала в своей стране.

Раскрытие англо-роялистского заговора подготовило почву для провозглашения Франции империей. 18 мая 1804 г. одновременно с провозглашением Империи был принят очередной сенатус-консульт, в котором говорилось: «Императорское достоинство передается по наследству в прямом естественном и законном потомстве Наполеона Бонапарта от мужчины к мужчине и в порядке первородства при исключении женщин навечно». Органы государственной власти не подверглись большому изменению, хотя Наполеон присвоил себе право назначать сенаторов в неограниченном количестве.

Таким образом, эволюция, начатая 18 брюмера, завершилась. Как было встречено во Франции учреждение империи, а затем и последовавшая 2 декабря 1804 г. коронация? Проведенный плебисцит касался не титула императора, а только лишь наследственной власти. Он показал, что те силы, которые выступали против пожизненного консульства, все же сохранились. В государственном совете, несмотря на все старания Люсьена Бонапарта, было много колеблющихся: после четырех заседаний так и не было принято окончательное решение — его члены запросили отсрочки. В трибунате тоже выявилась оппозиция: отейльское общество не дало никакого ответа. Сиейес, Вольней, Ламбрехт, Грегуар и некоторые другие высказались против. Особую известность получило выступление в трибунате Карно, которое современники назвали «последним вздохом революции». Карно объявил «фиктивным» поворот общественного мнения в сторону «наследственной монархии», так как пресса не была свободной. «Разве свободу, — говорил он, — показали человеку для того, чтобы он никогда не мог воспользоваться ею? Нет, я не могу допустить, чтобы он никогда не мог пользоваться ею. Нет, я не могу допустить, чтобы на это благо, превозносимое перед всеми другими, смотрели только как на простое заблуждение...»¹¹⁰ Но и Карно очень сдержанно выражал свой протест, заявив в заключение, что он готов подчиниться мерам, против которых возражал. Подобно Карно повели себя и многие «идеологи».

У нас нет данных о том, как реагировали на учреждение империи различные группы населения: рабочие, крестьяне, мелкая буржуазия городов. Подавляющее большинство, очевидно, поддержало монархические призывания первого консула, видя в них гарантию от реставрации старых феодальных порядков. Нельзя также отрицать и значения бонапартистской демагогии. Но тем не менее учреждение империи встретило все же известное сопротивление.

Хотя республиканской партии, как таковой, не существовало, но сами республиканцы сохранились. О наличии «анархистских настроений» сигнализировали префекты из многих департаментов страны. Префект Шаранты сообщал, что в Ангулеме остались сторонники 1793 г., объеди-

¹⁰⁹ *Pasquier E.* Op. cit., p. 202—203.

¹¹⁰ *Mémoire adressé au Roi en juillet 1814 par M-r Carnot.* Paris, 1814, p. 65—72.

ненные в «особый республиканский комитет» комендантом города генералом Мале (будущим организатором антинаполеоновских заговоров): «Они собираются и распевают враждебные общественному порядку песни»¹¹¹. Аналогичные рапорты шли и из других мест. В Марселе полиция арестовала Грандье, Рея, г-жу Бонифас и Перрена как членов мasonicкой ложи республиканского типа. По словам префекта, г-жа Бонифас занималась активной антиправительственной пропагандой. «Экзальтированная анархистка, преданная Марату и Робеспьеру и другим вождям этой партии, она была злейшим врагом всякого правительства, кроме режима 1793 г.»¹¹².

«Анархисты», «сожалеющие о режиме 1793 г.», сохранились также в Тулоне. «Они хотя и далеки от объединения, — добавлял префект, — но упорны в своей оппозиции к правительству»¹¹³. Почти сразу после того, как слухи о коронации достигли этого города, 19 января в 6 часов утра было найдено на стенах здания префектуры воззвание, призывавшее народ к защите свободы. Тот же плакат призывал народ подняться вечером при выстреле пушки. В донесении генерального комиссара полиции государственному советнику говорилось: «Это воззвание — дело сторонников режима 1793 г.»¹¹⁴.

В департаменте Вар (в Солье-Пон) тайные собрания периодически проходили у Феррю (бывшего служащего Директории), где часто бывал Леонар Бурдон¹¹⁵. О «дурном духе» в Бордо, Безансоне, Невере, Бресте сообщалось во многих донесениях¹¹⁶. Непокойно было и в некоторых занятых французами городах. 5 февраля 1805 г. генерал Мену сообщал из Турина, что с бандитизмом удалось справиться, но «анархисты пытаются воспротивиться недавним реформам». «Они поддерживают переписку с Венецией, Неаполем, Генуей, Римом, Миланом и Парижем...»¹¹⁷ В испанских городах, писал префект, «партия Бурбонов почти уничтожена», но «анархисты весьма многочисленны»¹¹⁸. Все эти донесения, несмотря на содержащиеся в них песомненные преувеличения, все же отражали известное недовольство.

В какой форме проявлялось это недовольство? Обыкновенно в довольно безобидной: в виде каких-то выкриков на спектаклях, аплодисментов зрителей при словах, которые можно было расценивать как обидные для императора (так было в Марселе, Невере, Бордо)¹¹⁹, в распространении карикатур и т. д. Полиция весьма тщательно фиксировала такого рода факты в своих ежедневных бюллетенях. В доме Беллегарда, например, в присутствии генерала Мале офицеры смеялись над карикатурой, изображающей папу, Бонапарта, двух его братьев и ангела, который приносит вместо святого благословения лист бумаги, на котором написано: «Винегрет из четырех воров»¹²⁰. Эта карикатура позже распространялась среди офицеров Булонского лагеря¹²¹, ее показывали и в некоторых парижских кафе¹²². По сведениям полиции, в либеральных салонах демонстрировалась анаграмма из слов: «Наполеон — император французов. Эта сумасшедшая империя не протянет больше года»¹²³.

Наряду с таким в общем мирным осуждением бонапартистского курса были случаи и более решительных действий. 6 декабря 1804 г. при разда-

¹¹¹ La Police secrète..., vol. 1, p. 92.

¹¹² Ibid., p. 17.

¹¹³ Ibid., p. 407.

¹¹⁴ Ibid., p. 273—274.

¹¹⁵ Ibid., p. 689.

¹¹⁶ Ibid., p. 10.

¹¹⁷ Ibid., p. 280.

¹¹⁸ Ibid., p. 197.

¹¹⁹ Ibid.

¹²⁰ Ibid., p. 192.

¹²¹ Ibid., p. 200.

¹²² Ibid., p. 92.

¹²³ Ibid., p. 4—5.

че орденов на Марсовом поле в Париже перед Наполеоном появился молодой человек, который выкрикнул: «Свобода или смерть!». Оружия он не имел и только бросил свою шапку вверх. Этого человека звали Фор (Faure). Следствием была установлена цель его выступления: «Он надеялся именем свободы привлечь на свою сторону войска... и в случае успеха создать другое правительство, в котором император будет только его членом». «Он проявил,— говорилось о нем в полицейском бюллетене,— на допросах упорство человека, который готов к смерти и все обдумал»¹²⁴. Правительство особенно интересовалось политическими идеями Фора. В результате изучения его переписки удалось установить «фанатическую привязанность Фора к чистым идеалам свободы». Полиция готова была допустить, что его использовали в своих интересах «анархистские злодеи»¹²⁵. Этот поступок, без сомнения необдуманный, свидетельствовал, однако, что республиканцы могут решиться и на более энергичные действия.

29 ноября 1804 г. в Булонском лагере у двух солдат были найдены «ужасные памфлеты, призывающие к убийству первого консула»¹²⁶. Надо сказать, что вообще офицеры и солдаты этого лагеря были настроены довольно оппозиционно. Об их враждебности провозглашению империи писал и Стендаль в своих воспоминаниях¹²⁷. Подобные призывы к убийству Наполеона и изменению форм правления встречались и в Александрии (там в их пропаганде подозревали якобища Бургунцио)¹²⁸, и в Пьемонте, и в Париже¹²⁹. Противником империи был и Поль-Луи Курье, тогда офицер французской армии, весьма критически относившийся к новым преобразованиям и в своих письмах называвший плебисцит «фарсом»¹³⁰.

Источником всего этого недовольства было принципиальное несогласие с монархическим курсом Наполеона. Республиканский дух нелегко было выветрить даже на фоне блестящих наполеоновских побед и относительной экономической стабильности. Наиболее четко он проявлялся среди бывших участников революции, ее ветеранов, которые продолжали оставаться в армии. С их оппозицией, хотя и значительно подорванной постоянными репрессиями и не всегда выражавшейся в форме бескомпромиссной и последовательной борьбы, Наполеону приходилось считаться. Вот почему и в 1804 г., и позже он пытался оправдать свершившиеся изменения именно с республиканских позиций, доказывая, что империя есть продолжение республики, а титул императора имеет якобы революционное содержание¹³¹.

¹²⁴ Ibid., p. 197.

¹²⁵ Ibid.

¹²⁶ Ibid., p. 192.

¹²⁷ Стендаль. Собр. соч., т. 2, с. 207.

¹²⁸ La Police secrète..., vol. 1, p. 92.

¹²⁹ Ibid., p. 4—5.

¹³⁰ Курье П.-Л. Памфлеты. М., 1957, с. 305—306.

¹³¹ Манфред А. Э. Указ. соч., с. 443—445.

Тематически связанные материалы:

**Туган-Барановский Дж.М. Наполеон и Республиканцы:
из истории республиканской оппозиции во Франции в 1799-1812 гг.**